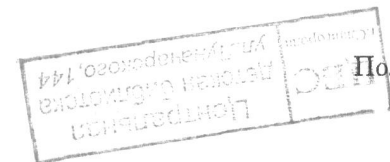

ГЕННАДИЙ МИХАСЕНКО

МИЛЫЙ ЭП

Астрель
Полиграфиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М69

Галя Юхно, Боря Дмитриев, Вадик Денисов
и Гена Афонин —
это вам, в память нашей юности!

Автор

Михасенко, Г. П.

М69 Милый Эп / Геннадий Михасенко.—М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. — 254, [2] с.

ISBN 978-5-271-39732-5 (Астрель) (С.: Внеклассное чтение)

ISBN 978-5-4215-3334-4 (Полиграфиздат)

Серийное оформление А. Логутовой

ISBN 978-5-271-39749-3 (Астрель) (С.: Любимое чтение)

ISBN 978-5-4215-3333-7 (Полиграфиздат)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Повесть «Милый Эп» — рассказ о настоящей дружбе, прекрасной и чистой любви, о взаимоотношениях между подростками. Герой повести Аскольд Эпов взрослеет, ищет себя, ошибается, набивает шишки, отчаивается, переживает свои первые радости, первую любовь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Подписано в печать 25.01.2012 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 13,44.

С.: Внекл. чтение. Тираж 3 000 экз. Заказ № СК 4033М.

С.: Любимое чтение. Тираж 3 000 экз. Заказ № СК 4032М.

© Текст. Г. Михасенко, наследники, 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012

Глава первая

Светлана Петровна вызвала меня неожиданно. А я был не из тех, кого по английскому языку можно вызывать неожиданно. По математике, физике или химии — пожалуйста, но по английскому — боже упаси. Железная тройка, полученная на прошлой неделе, вроде бы обеспечивала мне полмесячную передышку, и вот тебе!..

Я хотел было отказаться сразу, но Август Шулин, мой сосед, испуганно вытолкнул меня из-за стола, и я как порядочный пошел к доске, кивками прося подсказывать. И сразу посыпалось: кто зашипел, рупором прижав ладони ко рту, кто задудел в свернутую трубкой тетрадку, кто беззвучно корчил рожу, надеясь, что я все прочту по губам. Вовка Еловый живо зашевелил пальцами, но пальцами хорошо изображать римские цифры, а не латинские буквы. Васька Забровский, наш комсорг, что-то быстро черкнул на бумажке и свесил ее вниз, сбоку стола, но я не различал. Только Мишка Зеф действовал открыто. Развалясь на задней парте, он выдавал по буквам: эс, эйч, и, дабл ю, эй, эн,

ти... Я щупал в кармане пиджака свой давний талисманчик — бочонок от лото номер 81, — прислушивался, но... русский-то шепот попробуй разбери от доски, а тут — английский. Дважды ляпнув невпопад, я поморщился, закусил губу и смолк. Я сдался. Но класс держался до последнего патрона: шипел, булькал и хрипел, как в радиоприемнике на коротких волнах.

Светлана Петровна терпела-терпела, потом устало вздохнула и сказала по-русски:

— Ну, хватит. Бесплезны ваши старания. Он, кажется, дня три не открывал учебника. Так ведь, Эпов?

— No, two days*, — ответил я, не уходя лишь потому, что надеялся на прощение.

— Ну, два, какая разница... Это мелочная честность, Эпов, so I have to give you two**.

— Thank you***, — сказал я, кивнул Светлане Петровне, ее оранжевому платью, ее рыжеватой прическе, ее округлому животу — всему сразу и отправился на место, перехватив удивленный взгляд учительницы — до сих пор я за двойки не благодарил.

Но тут во мне что-то дернулось, сработало какое-то реле. Двойка? Очень хорошо! Прекрасно — двойка!

Класс ожил.

* Нет, два дня (здесь и все дальнейшие сноски — перевод с английского).

** Так что я вынуждена поставить тебе двойку.

*** Спасибо.

— Светлана Петровна, задайте ему еще вопросик!

— Ну, Светлана Петровна!

— Эп все знает, только он рассеянный.

— Его надо в темноте спрашивать.

— Да он с Чарли Чаплиным переписывается!

Я обычно поддерживал эти веселые атаки, когда кто-нибудь горел, но сейчас мне все было безразлично. Не садясь, я сунул учебник с тетрадкой в папку, задернул молнию и двинулся к выходу, легко и свободно.

— Эп, стой! — выкрикнул Шулин.

И за спиной повисла тишина.

У дверей я обернулся и, глянув прямо во все еще удивленные глаза Светланы Петровны, затененные рыжими клубами прически, любезно проговорил:

— Гудбайте! — и уже выходя и при этом кого-то толкнув дверью, добавил сквозь зубы: — Спинста! — что означало «старая дева», как мы прозвали Светлану Петровну.

В коридоре никого не было, кроме незнакомой девчонки, которая держалась за дверную ручку, желая, видно, заглянуть в наш класс. В ярко-красных брюках, в синей куртке и с вязаной красной шапочкой под мышкой, вся в блестках свежерастаявших снежинок, она недобро глянула на меня и закрыла за мной дверь. Уловив в ней какое-то сходство со Светланой Петровной, я и ей брякнул:

— Гуд бай!

— Бай-бай! — не моргнув глазом, ответила она.

И я пошел прочь.

Я не хотел обижать Светлану Петровну, хоть и был на нее зол. Не знаю, чья умная голова изобрела это нелепое прозвище Спинста, совсем не подходившее нашей молодой, замужней и даже уже беременной учительнице, но было в нем что-то холодное и пронзительное, как моя неприязнь к этому головоломному языку, поэтому я с удовольствием и ввернул его. Что за дикость — вызывать человека, зная наверняка, что он не готов! Это же педагогическое хулиганство! Охота за черепами! И не много надо ума, чтобы даже отпетого отличника заставить врасплох. По-моему, талант преподавателя обратно пропорционален количеству поставленных им двоек!.. Эта вдруг найденная точная психологическая формула, как-то мгновенно принизившая всех учителей, обрадовала меня, и я чуть не засвистел, чувствуя, как лицо мое победоносно сияет. Но когда я спустился в вестибюль, тетя Поля, дежурная, спросила:

— Плакал, что ли?

— Кто — я?.. С чего бы!

— Да уж не знаю, чего вы срываетесь посреди уроков вот с такими глазами! — Она показала кулак, вздохнула и отвернулась, точно не желая иметь со мной никакого дела, но тут же встрепенулась опять. — Кого требуют-то?

Маленькая и пухлая, она сидела на стуле у двери в раздевалку и не выдавала пальто без того,

чтобы не разузнать, что случилось. Тетя Поля не просто слушала ответы, поддакивая и уточняя, а вслушивалась в них, ловя что-то более важное, чем слова, и часто, перебив неопытного лгуна, ворчливо отправляла его обратно. Тетя Поля расспрашивала даже тех, кто являлся с бумажкой от учителя, точно раздевалка была секретным архивом.

Я не был опытным в этих делах, но желание исчезнуть, испариться из школы так вдохновило меня, что я, глазом не моргнув, выпалил:

— Отца.

— Мм, значит, отец у вас голова, — сказала тетя Поля и без дальнейших вопросов пропустила меня, рассуждая сама с собой: — Это хорошо, что отец, — рука крепше. И выдрать и приласкать — все крепше. И надежнее. А то все матерей теребят. А на что, мать-то, кроме как пилить. Уж по себе знаю. Вон какие, а все пилю... Плюнул, поди, в кого? — спросила она, когда я вынырнул из-под перекладины, застегивая куртку.

— Нет.

— Бесстыдник. Отцам делать нечего, только с вами нянчиться! Резинкой стрелял?

— И это нет, тетя Поля.

— Бесстыдник!.. Что же ты вытворил?

Мне вдруг захотелось признаться, что ничегошеньки я не вытворил, что это со мной вытворили, но, увидев тети-Полину серьезно-озабоченную физиономию, коротко сказал:

— Обозвал учительницу.

Всплеснув руками, тетя Поля охнула:

— Сбесился ты, что ли!.. Да кто же это учителей обзывает, головушка твоя забубенная! Ведь учитель для вас — все, непутевые вы черти!.. Врешь, пооди?

— Обозвал.

— Бесстыдник!.. И как же ты ее? — шепотом спросила она, покосившись на лестницу.

— Да-а!.. — отмахнулся я.

— Что делается! Что делается!..

— Гудбайте, тетя Поля!

— Веди, веди отца! Хорош, видать, гусачок! Веди, бесстыдник! Фамилия-то как?

— Эпов.

— Чей?

Но я, мимоходом глянув в большое вестибюльное зеркало на свою долговязую нескладную фигуру в берете, уже выскочил на крыльцо. Хлопок двери отрезал меня сразу и от тети-Полиных ворчаний, и от сонливой духоты, и от всех-всех невзгод школьной жизни.

А на дворе что делалось!

За низким крылечным козырьком ходуном ходила густая снежная мишура. Она шаталась, скручивалась, дергалась, то с шуршанием захлестывая ступеньки, то сползая с них. Откуда это? Ведь шел уже май. В тени палисадников, домов и под пластами мусора дотаивали последние островки сугробов, уже превращенные в лед. Уже над холодной весенней роскиселью дулись почки. И вот тебе — расхулиганилась природа!

У крыльца, полузаштрихованный метелью, звонко постреливал мотоцикл. За рулем, подга-

зовывая, сидел Толик-Ява, из девятого «б», в красном шлеме и в очках — ждал кого-то. Странно — идут занятия, друзья в классе, а он раскатывает, да еще возле школы. Получил права — так гоняй на пустыре, если радость распирает, а хамить-то зачем?.. Хотя и я не лучше!

Я нырнул в снеговорот и захлебнулся. Хорошо! Очень кстати эта заваруха для нейтрализации моего кислого настроения, а что оно кислое — коню понятно, как говорит Шулин.

Уходил я из школы невидимым.

«Все! — зло думал я, спотыкаясь о желваки застывшей грязи и дробя каблуками лед пустых луж. — Решено! Сегодня объяснюсь с родичами! Хватит морочить людям головы!»

Еще в конце седьмого класса на меня стала накатываться какая-то необъяснимая тоска. Нет-нет да и накатится, прямо на уроке. Уплывают куда-то учебники, лица друзей, доска, растворяются и замирают звуки — я вроде слепну и глохну. Летом мы с отцом и с дядей Ко-хоккеистом пересекли на машине нашу Западную Сибирь и объездили все русские старинные города: Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский, Ростов Великий — волшебные места, потом я поработал на детской технической станции и развеялся, забыл свои тревоги. Но едва начались занятия в школе, опять затосковал, представив, что, не проболей я во втором классе целых полгода, я бы учился уже в девятом, почти в десятом, последнем! Дальше — больше. К Новому году понахватал троек и даже двоек столько, сколько не на-

скрести за все те семь лет. «Ты что, Эп, спя- тил?» — удивлялся свежееиспеченный комсорг Васька Забровский. «В чем дело, Аскольд?» — хмуро спрашивали дома. «Опомнись, Эпов!» — в панике восклицали учителя. На новогодние ка- никеры Шулин пригласил меня в свою деревню. Я поехал. Я любил деревню. Мои бабушка и де- душка, по отцу, жили в селе, и я класса до пято- го ежелетне гостил у них, но потом как-то охлад- дел, а тут обрадовался. Шулинская деревушка Черемшанка мне понравилась. Она стояла в лесу, и мы с Авгой стреляли зайцев прямо за огорода- ми, а за рябчиками и глухарями бегали на лыжах к Лебяжьему болоту. Неделя промелькнула од- ним днем, и возвращался я в город с холодным предчувствием близкой беды. И точно — на меня сразу же навалилась русская хандра. Но тут я вдруг понял, в чем дело — оказывается, мне на- доела школа. Надоело играть маленького, надо- ела суета, классные собрания с болтовней в три короба и пшиком дел, надоела дорога в школу, даже Август Шулин, ставший за каникулы моим первым другом, опостылевал мне в школьных стенах. Понял я это — и мигом блеснула идея: бежать, дотягивать восьмой класс и бежать без оглядки. Куда — я не знал, но идея эта так под- хлестнула меня, что я, ко всеобщему удоволь- ствию, выправил за полмесяца все отметки и на рысях понесся к финишу, лишь по-английскому продолжал болтаться между двойкой и тройкой.

И вот тебе — бах! — новая пара. Это уже по- пахивало двойкой за четверть, а то и за год... Но

сейчас все вчерашние и завтрашние заботы уто- нули в одном ощущении: вырываюсь... И чем дальше отходил я от школы, тем вольнее и радо- стнее чувствовал себя, как будто постепенно освобождался от влияния какого-то тягостно- го магнитного поля. Даже снег, похожий на по- ток силовых линий, начал редеть и ослабевать.

Подняв куцый воротничок куртки и втянув голову в плечи, я свернул в сквер, малолюдный и тихий. Покачивались сомкнутые вверху го- лые ветки, просеивался сквозь них снег и па- дал обессиленно и сонно. Точно убаюканный, я закрыл глаза, заранее прикинув, что шагов двадцать пять могу пройти слепо, ни с кем не столкнувшись. Раз, два, три... Услышав мое заяв- ление, мама тотчас же вроде бы с серьезной оза- боченностью полезет в свою сумку за стетоско- пом, чтобы проверить мое здоровье, как всегда де- лала, если я хватал через край... Восемь, девять... Отец глянет тревожно, точно уловит неожиданный треск в казалось бы надежно отлаженном меха- низме, и в глазах его, как в осциллографах, вспыхнут проверочные огоньки... Четырнад- цать... Хотя отцу сейчас не до меня, его как главного инженера замотала следственная ко- миссия из-за цокольных панелей новой гостини- цы, в которых нашли что-то не то... Я сбился со счета и, вдруг почувствовав, что сейчас наткнулся на какое-то смертельно-каменное препятствие, открыл глаза.

Это были две девчонки. Запорошенные сне- гом, прижавшись головами к транзистору, они

шли бок о бок, нереально симметричные, как сиа́мские близнецы. В транзисторе сипло и прерывисто булькала «Лайла» Тома Джонса, и девчонки легкими шлепками то и дело взбадривали приемник. «Перепаайте контакты или приходите ко мне слушать Тома Джонса!» — сказал я мысленно, не спуская с них телепатического взгляда, но они проплыли, даже не покосившись на меня. Конечно, что им в моей тощей дылдастой фигуре. Им Аполлонов подавай! На себя-то гляньте, выдры! Вот тут я согрешил — девчонки были вполне нормальными, даже симпатичными, и я бы не отказался от знакомства с ними!.. А вот во мне действительно ничего привлекательного не было!.. Увы и ах!..

Однажды я спросил у отца, каким он рос — хилым или здоровым. Отец ответил: доходягой — у бабушки глаза не просыхали, все думала, что помрет; куда уж дальше — в еде копался, другие мели все подряд, только подноси, а его рвало и от лука в супе, и от сала в яичнице, и от пенки в киселе — тень-тенью бродил. Но это пройдет, уверил отец, душа вот созреет, и тело включится. Эта философия несколько утешала меня, и я даже порой представлял себя гадким утенком, который вот-вот превратится в лебедя, но всякий раз подчеркнутое безразличие ко мне девчонок мучительно задевало меня. И я тогда остро завидовал классическому торсу Мишки Зефа и его умению смело-грубовато обходиться с девчонками. Сейчас бы он не проскользнул, как я, бледной тенью мимо этих сиа́мских близнячек, он бы

раскинул навстречу им руки, сморозил бы какую-нибудь чушь и, глядишь — слово за слово, познакомился бы. Но я и в компаниях терялся в таких случаях, а чтобы один — простите! Гори они синим огнем, эти гордячки!

Сквер кончился, и на меня опять накинута метель.

Глава вторая

Мы жили в кирпичном пятиэтажном здании против старенькой церкви, единственной в городе. Город вроде бы насмеялся над нею, окружив ее всякой безбожностью: рядом были базар, зверинец, Дом офицеров, мимо проносились автобусы, троллейбусы, трамвай. Три остановки вниз — вокзал, пять вверх — центр. Трамвай почти задевал церковную ограду и вечно трынькал тут, чтобы кого-нибудь не задавить. Как-то, года два назад, пронесся слух, что церковь снесут и построят на этом месте зимний цирк. Цирк — это, конечно, замечательно, но церковь, к которой я с детства привык, мне было жалко. Это же история, Русь, древность, а уж потом религия и Бог. Подозревая, что отец имеет какое-то отношение к этому переустройству, я однажды заговорил с ним об этом. Отец сперва улыбался, пощипывая бороду, потом сказал, нарочно окая на поповский лад, мол, хорошо, отрок, мол, доложу о протесте молодежи. И правда, церковь не тронули, а цирк стали возводить рядом. Понимая, что не моя за-

щита уберегла церквушку, я все же иногда по-сматривал на нее с тайной радостью спасителя.

Вон он, крест, сердито и холодно поблескивает над голыми вершинами тополей, а левее сереет бетонная громада цирка. Только что начатый, он уже перерос церковную маковку, а по объему — бочка рядом с ведром. А вообще-то и у Божьего дома был какой-то циркаческий вид, в наборе его архитектурных деталей было что-то от бременских музыкантов, взобравшихся друг на друга с рискованным равновесием, так что не случайно, пожалуй, цирк и церковь оказались соседями — пусть соревнуются.

Низ нашего дома занимали кассы предварительной продажи билетов на поезда. На часах у входа — половина первого. Значит, мама еще не ушла — ей на дежурство к двум. Сталкиваться с нею не хотелось, сразу заметит неладное, зараспрашивает. Отмахнуться я не смогу, начну мямлить что-нибудь и все испорчу, поэтому надо протянуть до вечера, продумать объяснение толком, найти убийственно-логические слова и доводы.

Я свернул с тротуара и пошел в обход церкви.

До строительства цирка ее нельзя было обойти вокруг, потому что к церковному двору примыкал заброшенный сад, тянувшийся против наших домов, который до революции, говорят, был кладбищем. И верно — среди берез и осин там и здесь виднелись бугорки. Этот сад я помню с тех пор, как помню себя. Сначала вдоль садового забора возила меня в коляске мама, потом в сад водила нас гулять няня из детсадика, пото-

му что иной зелени вблизи не было, а тут простор, чистота, кустики и травка, цветочки и птички — и шут с ними, с могилами. Мы допытывали няню, для чего церковь и зачем туда люди ходят, и она рассказывала о Боге, и мы одно время даже играли в него. Кто-нибудь вскарабкивался на пенек — «Бог», остальные — кто кем хотел: врач, шоферы, сантехники. Мы очередь подходили к «Бог», тот спрашивал, кто такой, и требовал документы. Ему протягивали кто листок, кто фантик, кто просто ладонь, и «Бог» посылал кого в рай, кого на базар, кого в зверинец, кого в ад. Самое интересное было в конце. «Кто такой?» — спрашивал «Бог» последнего. «Космонавт Гагарин!» — «Твои документы?» — «А твой?» — вдруг заявлял «космонавт». «Бог» пугливо обшаривал карманы и, заикаясь, шептал: «Нету!» — «Тогда убирайся с неба!» — восклицал «Гагарин» и спихивал бога с пенька... А позже мы любили играть в прятки, залегая за могилки, таюсь в кустах и взбираюсь на церковные сарайки, выпиравшие в сад и опутанные акацией. В азарте я не раз прятался в самой церкви, только трудно это — попробуй тормозни у крыльца, важно поднимись по ступенькам и печально войди в дверь, если водящий в саду уже отбарабанил счет и ищет. Но и пробравшись внутрь, долго там не удержишься — обязательно найдется какая-нибудь бдительная старушонка и вытурит тебя... Вот так вот рядом с Богом я вырос полным безбожником.

А в прошлом году, осенью, два бульдозера, расчищая площадь для цирка, снесли внутрен-

ний забор, спихнули в сад лишний грунт и с тыла церкви пропороли дорогу, чтобы машинам не делать крюк через оживленный перекресток. Вроде бы все правильно, а жаль. И церквушка, бывшая островом в идейном смысле, стала островом и физически.

Ее задний двор был пуст и непригляден. Худая черная собака, боязливо оглядываясь, что-то выгрызала и выцарапывала из мерзлоты. Продолжало вьюжить, но снег больше не падал, а уже выпавший метался туда-сюда, узорно залепливая окна и карнизы, так что голуби, нахохленно и тесно копошившиеся всюду, казалось, запутались в этих снежных узорах, как в паутине. Да и люди казались запутанными. Их было много там, в глубине, в переднем дворе. Можно было подумать, что это столько верующих, а это просто через церковный двор народ спрямил путь от трамвайной остановки до железнодорожных касс.

Я тоже спрямил путь и глянул на часы. Прошло десять минут. Нет, к чертовой бабушке, пойду домой! Затрясусь от мороза, шмыгну в свою комнату, включу маг, и пусть орет. Мама обычно не отвлекает меня, когда я вожусь со своей аппаратурой.

На бетонной площадке против нашего подъезда стоял уазик с зеленой будочкой — отцовский. Значит, он дома! Уйти, сбежать! Сейчас проскочу мимо и двором на соседнюю улицу, а там — в зверинец, давно не видел обезьян.

— Здорово, Аскольд! — приветливо крикнул дядя Гриша, папин шофер, высовываясь из кабины.

— Здравствуйте! — испуганно ответил я.

— Как оно?

— Хорошо!

И свернул к подъезду. Все нынче против меня. Даже дядя Гриша, всякую свободную минуту глотавший журнальные детективы, тут оказался без журнала.

Слева — лестница вверх, справа — вниз, в подвал. Нырну-ка я туда! Посижу с полчаса, погреюсь да подумаю заодно. Гениальные эти люди, строители, — подвал изобрели! Сколько тут было устроено засад, сколько пережито и развеяно страхов, сколько раз нас тут ловили разъяренные владельцы кладовок!.. Восторгаясь подвальной темнотой, теплотой и запахом прокисшей капусты, я между тем бешеными прыжками летел наверх.

Открывая дверь своим ключом, я услышал телефонный звонок и бас моего робота Мёбиуса:

— Квартира Эповых, минуточку!.. Квартира...

— Аскольд, возьми трубку! — крикнул из кухни отец. — Если меня, скажи — выезжаю.

А вдруг из школы? Вдруг Светлана Петровна пожаловалась нашей классной, Нине Юрьевне... У меня в желудке мигом образовался кусок льда. Я осторожно поднял трубку.

— Да... Да-а... Дома... Его сын... Робот... Самодельный, конечно. Нет, не очень сложно... Ну, говорит, что никого нет... Да, сейчас выезжает... До свидания. — Я облегченно опустил трубку. — Пап, тебя. Дяденька какой-то.

В кухне звякнул стакан, громыкнул стул, и в прихожей потемнело: отец своим телом перекрыл кухонный коридорчик, через который только и пробивался в прихожую свет. Мама тоже была крупной, лишь от меня освещенность не менялась, точно я был прозрачным. Я щелкнул выключателем и сделал счастливую физиономию, как положено пай-мальчику при виде родителей. Но родители и не глянули на меня. Они были сосредоточенно-хмуры. Отец подал маме пальто, на миг задумался и стал одеваться сам.

«Уже знают!» — опять похолодел я.

— Отца-то в тюрьму садят! — вдруг сказала мама.

— Как в тюрьму?

— А вот так! — и четырьмя скрещенными пальцами мама изобразила решетку.

— Правда, пап? — ужаснулся я.

— Правда, — ответил он, выпрастывая бороду из шарфа. — Не сию минуту, конечно, но... Дядька, с которым ты только что беседовал, это секретарь прокурора. Следствие закончилось. Получилось, что я виноват. Вот какая, брат Оська, кирилломефодика! — Отец надел свой черный берет и только тут посмотрел на меня.

— Ты же говорил, что не виноват!

— И сейчас говорю. Но это надо доказать, а не просто доказывается. Но у меня еще есть шансы, вот! — Он снял с полки толстую папку и взвесил ее на ладони. — Ну, а пока, что ж, молись, как говорит наша бабушка. Может быть, церковь спасет нас, как мы спасли ее!

И они вышли.

Я замер, с болезненной тревогой прислушиваясь к затихающим на лестнице шагам, потом, не раздеваясь, шмыгнул в кухню и прижался щекой к стеклу. За окном кипела метель: снежные вихри, летевшие вдоль стены вверх, сшибались с вихрями, падавшими с карниза, и уносились куда-то вбок от дома... Жизнь взрослых казалась мне навсегда решенной и устроившейся, с уже отгремевшими революциями и потрясениями, которые еще ждут нас, поэтому известие о тюрьме ошеломило меня... Класа до седьмого я не отделял себя от родителей, и дом наш тогда наполнялся для меня счастьем, когда мать с отцом являлись с работы. Я летел к порогу, услыша долгожданное шебаршение ключа в замочной скважине, и если не кидался на шею, то приплясывал и скулил от восторга, как щенок, просидевший весь день взаперти. Теперь я не бросался к порогу, а просто молча радовался, что вот возвращаются, что сейчас будем ужинать, и только бы поменьше суетливо-дежурных расспросов, а о главном я сам расскажу. Лишь изредка, в особые моменты, меня пронизывала прежняя слепая тяга к родителям, и я на час-другой становился пятиклассником, как вот сейчас... Узик с зеленой будочкой бодро вырулил на асфальт и сквозь метель помчался к центру.

Я задумчиво опустил на стул. Дзинькнул звонок, и в прихожей появился Авга Шулин, в клетчатой кепке и в серой, похожей на телогрейку куртке, из которой давно вырос.

— Эп, ты один? — шепнул он.

— Один.

На цыпочках, чтобы меньше следить, Авга прокрался в кухню, жадно, но мельком оглядел неубранный стол и, дернув подбородком, вопрошительно-тревожно уставился на меня глазами, ноздрями, ртом и ушами — всем, чем можно. Полтора года жизни в городе ни капельки не изменили Авгу — та же кепка, та же куртка и та же простоватая физиономия. Первое время я считал Шулина старательным деревенским тупицей и даже издевательски прозвал его Графом. Он не обиделся на кличку. Он вообще ни на что не обижался — удивительный человек, он все принимал с улыбкой, мол, сыпьте-сыпьте, я потом разберусь. По закону Ньютона — действие равно противодействию — и на него никто не обижался, а вернее, его просто не замечали. Я лишь тогда обратил на Авгу внимание, когда он однажды на Графа ответил мне с усмешкой: «Какой я Граф — графин! Кринка!» В этом были и внезапная искренность, и смелость, и проблеск ума. Не каждый отважится дать себе такую оценку. Я стал с ним чаще общаться, и скоро мне понравилась и его простоватая физиономия, и его забавные словечки, и его наивные мысли. А в этом году мы сели за один стол и подружались окончательно.

— Ты почему рано? — спросил я. — Или тоже?..

— Ну, что ты! — возразил Шулин. — Спинста отпустила. Вызвала еще двух, начала объяснять, побледнела и — ступайте, говорит!

Меня насторожило это. Ведь ей нельзя волноваться! Я поднялся, пощупал кастрюлю и чайник и, хоть они были еще горячие, включил конфорки.

Авга продолжал смотреть на меня вопрошающе, ожидая каких-то разъяснений. Я понимал, что для него, который — тоже, кстати, удивительная штука! — трепетал перед учителями, у которого при виде директора подкашивались ноги и которому даже наш комсорг Васька Заборовский, или просто Забор, был властью немалой, для него мой сегодняшний финт оказался неожиданным, потому что я не числился в анархистах.

— Шум был? — спросил я.

— Не было.

— Слава богу.

— А чего ты бзыкнул?

— Да так.

— Так не бывает. Так и чирей не садится.

— Граф, какой чирей!

— Обыкновенный... Неужели ты из-за двойки? Из-за каждой двойки бзыкать — лучше в школу не ходить!

— А я не пойду!

— Не пойду... Я бы тоже не ходил, да не могу: обречен учиться. Тридцать первого августа меня родили, а первого сентября уже отправили в школу.

— А я вот не пойду!

— Ну, как не пойдешь?

— А так: не пойду — и все!

— Хм!

— Вот тебе и хм! — То, что я, наконец, выговорился, взбодрило меня. — Раздевайся! Обедать будем!.. И мое повесь. — Я кинул Авга свою куртку и стал подновлять стол.

Шулин жил у тетки с дядькой, жил впроголодь, боясь объесть их, как он сам однажды признался мне. К большим праздникам ему приходили десятирублевые переводы и посылки с салом, сушеными грибами и с листовничной серой. Серу Авга сразу отдавал Ваське Забровскому. Васька честно делил ее, и весь класс с неделю празднично работал челюстями. Дней пять после посылки Шулин законно отъедался, а потом опять подтягивал ремень, хотя со стороны родственников я ни разу не заметил ни косога взгляда, ни обидного намека. Скорее наоборот — они вздули бы Авгу, узнай об этом. Я не сбивал друга с его чем-то и мне привлекательного принципа, но при любой возможности подкармливал Шулина.

— Садись! — сказал я, ставя на стол дымящуюся тарелку щей с мясным айсбергом.

— А-а! — крикнул Авга, потирая ладони.

— Ешь! — Я и себе налил.

Уже окунув ложку во щи, Авга замер и, опять подняв на меня полные недоумения глаза, спросил:

— Ты это серьезно, Эп?

— Абсолютно!

— А как же все-таки школа?

— Что школа? Ты ешь давай!.. Школа как трамвай — я спрыгнул, а он дальше пошел! — бодро ответил я.

— А что делать будешь? Отцу на шею сядешь?

— Балда ты, Граф! Работать буду!

— Ага, в рабочие, значит, пойдешь! Интересно девки пляшут! Я из рабочих в интеллигентную жму, а ты — наоборот, как будто я тебя выдавливаю.

— Никто меня не выдавливает, — со вздохом сказал я. — А, собственно, чем плох рабочий класс?

— Рабочий класс не плох, — отозвался Шулин. — Плохо то, что я ни черта не понимаю!.. Если бы...

Звякнул телефон. Робот Мёбиус загробно откликнулся. Я ринулся в прихожую, с жаром думая, что звонит Светлана Петровна — отошла и возжелала отомстить обидчику. Но это был Мишка Зеф. Он снисходительно-весело поздравил меня с моральной победой над Спинстой и велел так держать. Я буркнул «брось ты», опустил трубку и переключил тумблер на «out»*.

— Забор? — спросил Авга.

— Зеф, — сказал я и передал разговор.

— Харю надо бить за такие поздравления! — зло выговорил Шулин, отодвигая пустую тарелку. — Победа!.. Ты ведь не завтра собираешься бросать школу. Восьмой-то все равно надо дотягивать, тем более что осталось с гулькин нос.

— Конечно.

— Ну и вот! Поэтому тебе надо исправлять двойку, а теперь попробуй исправь!

* Нет дома.

— Ты думаешь, она слышала, как я обозвал ее?

— Еще бы! Я вон где сижу и то слышал!

— Черт!.. Да еще беременна!

— Двойки ставить они не беременны, — проворчал Авга, принимаясь за чай.

Некоторое время раздавалось только наше швыркание. Шулин щурился от чайных паров и шевелил бровями. Я думал о том, как действительно встречу Светлану Петровну. Даже если я сегодня все вызубрю, что очень сомнительно, то и это не спасет меня от стыда.

Шлепками по дну стакана Авга выгнал в рот ягоды смородинового варенья, цыкнул и сказал:

— И все-таки, Эп, я не пойму.

— Чего?

— Мать у тебя врач, отец инженер, вон какая шишка. Все у вас есть. Учись да поплеывай в потолок, а ты — куда-то вбок, как этот... — У Шулина было универсальное сравнение — как этот, а как кто — домысливай. — У меня ни фиги нет, а я жму! На меня и батя с колуном кидался, кричал, что сено косить некому, и дядька сейчас пилит, мол, куда я, бестолочь, лезу, а я лезу!.. Нет, Эп, я не хвастаю, а рассуждаю!.. Ты вот хихикаешь и называешь меня Графом, а будь сейчас старое время, дореволюционное, графом был бы ты! И без хиханек! Ездил бы к нам в Черемшанку охотиться, а я бы, мужичишко, на тебя зайцев выгонял — мол, стреляйте, вашество!

Я усмехнулся:

— Пострелять я бы не против! А вот насчет моего графства ты, Авгунек, маленько загнул. Один мой дед батрачил в деревне, а второй был рабочим на заводе, так что суди, какой бы из меня граф получился!

— По дедам нечего судить. Теперь надо судить по отцам, — возразил Шулин и, задумчиво повертев стакан и лизнув сладкий край, добавил: — А вообще-то, сейчас и по отцам много не насудишь. Возьми вон моего!.. Только по себе!..

Я чувствовал, что Авга развивает не сиюминутно возникающие мысли, а давно его тревожащие и, может быть, кем-то даже подсказанные, но все равно, вот так рассуждающий Авга был для меня новостью, и я спросил:

— Если по себе, тогда при чем тут революция?

— При том, что все началось там. А вот теперь мы зависим только от самих себя... И у тебя, например, все данные для графа! — заключил он.

— А у тебя?

— Я пока не разобрался в своих данных, но постараюсь быть и мужиком, и графом.

— Ишь ты!.. Ну, во-первых, признаюсь, если уж на то пошло, то я еще ничего не решил, кроме ухода из школы, — раз! Во-вторых... во-вторых пропущу, а в-третьих, самое интересное, что именно таких рассуждений я и жду от родителей!

— А разве они еще не знают?

— Нет.

— А Забор?

— При чем тут Забор?.. Ты первый!

— Ах, во-он как! — воскликнул Авга. — Значит, слепой в баню торопится, а баня и не топится!

— Растоплю! Сегодня хотел, да не выйдет, — сказал я, вспомнив семейные неприятности.

— А что во-вторых? — спросил Шулин.

— Во-вторых, ты Спиноза!

— Кто?

— Философ!

— А что, неправильно рассуждаю? — возмущился Шулин. — Вот ты мечешься, а я жизнь свою уже до половины рассчитал! Да-да!.. Удрать из деревни — раз! Удрал. Закончить десятилетку в городе — два! Заканчиваю! Поступить на охотоведа или на геолога — три! И поступлю — кровь из носа! Пусть тятки и дядьки с колунами бегают и шумят — я вылезу!

— Молодец!

— А чего улыбаешься?

— Да так.

Авге нравилось говорить, что он удрал из деревни. Но ведь удрать — значит от плохого и без оглядки, а Шулин, по-моему, спит и во сне видит свою Черемшанку. И чуть в разговоре коснешься деревни, он вздрагивает, как стрелка компаса близ магнита. Как-то мы ходили на почту за его посылкой, так Авга раз пять подносил ее к носу и затажно принюхивался — родные запахи. Так что едва ли это сладкое бегство.

И я спросил:

— А не зря ли ты удрал?

— Не зря. Для меня попасть в институт — это все равно что на Луну, — пояснил Шулин. — Стар-

товать из деревни пороху не хватит, да и притяжение там здоровое. А город вроде промежуточной станции: заправлюсь — и дальше. Вот я и заправлюсь сейчас. Нет, Эп, расчет верный!

— Ну, Циолковский!

— Только так!

— А ведь и у меня кое-какие расчеты своего будущего есть, — скромно проговорил я.

— Да уж поди! Голова-то у тебя — дай бог! — важно согласился Шулин, нажал кнопку на косяке, и за стеной, в моей комнате, зажужжал зуммер — так мама вызывала меня на кухню. — Видишь?.. Чудо-юдо, рыба-кит! А ты бзыкаешь!.. Вот это мне и непонятно. Не-ет, я не отговариваю, я так... сравниваю.

Телефон опять дзинькнул. Мёбиус ответил, что дома никого нет, а я, спохватившись, что это же отец может звонить за чем-нибудь срочным и важным, выскочил и перещелкнул тумблер на «in»*.

Глава третья

Васька Забровский все же позвонил, около пяти.

— Эп?.. Как дела?

— По последнему слову техники!

— То есть?

— Да вот оделся, иду к Светлане Петровне извиняться. Одобряешь, комсорг?

* Дома.

- А ты без одобрения иди.
— Ну и пошел.
— Ну и ступай. Помнишь, где она живет?
— Помню.
— Ну, привет.
— А чего звонил?
— Да так.
— Ну, привет!

Хитер Забор — так! Так, по словам Шулина, и чирей не садится. Хотел ведь взять меня за жабры!.. Наш комсорг был хорош тем, что никогда не поднимал паники, как дура Пичкова из восьмого «а». Он просто появлялся в нужный момент, внедрял в тебя свой магический взгляд и спрашивал, что ты теперь намерен делать. Если ты не знал, он советовал и — безошибочно!

А я действительно стоял одетый и действительно собирался идти к Светлане Петровне извиняться. Нет, не ради будущей пользы, не ради исправления двоек по английскому, на что намекал Авга, а для того, чтобы снять с нашей общей семейной души, которая вдруг попала в тиски, лишний грех и чтобы снять лишнюю тяжесть с души Светланы Петровны.

Светлана Петровна жила за парком культуры, в нескольких остановках. Если соединить ее дом, школу и мой дом, то получится равносторонний треугольник. Как это ни странно, но класса до шестого учителя казались мне почти роботами — я не видел, чтобы они ели, пили, приходили в школу, уходили из школы, они вроде были такими же школьными принадлежностями

ми, как доски, парты и столы. Помню, как я однажды удивился, застав в буфете жующего бутерброд физрука. Это было прямо открытие! Дальше — больше... Весной прошлого года кто-то из девчонок пустил слух, что нашу англичанку встречает после уроков у ворот симпатичный офицер. Мы возмутились и решили отпугнуть этого офицеришку. И вот стаей человек в пятнадцать, выждав момент, мы двинулись следом за парочкой. Мы кричали, свистели, хохотали. Мы рассчитывали, что при виде такого хвоста офицер бросит Светлану Петровну и удерет, но он только с улыбкой оглядывался. У деревянного двухэтажного дома за парком культуры они простились. Светлана Петровна исчезла в подъезде, офицер сделал нам ручкой и ушел. На второй день маневр повторили, но на полпути офицер выпустил вдруг локоть Светланы Петровны и стремительно направился к нам. Мы опешили, потом с криками прыгнули кто куда. На этом преследования оборвали, но на Спинсту разозлились за предательство и из протеста наполучали кучу двоек. Светлана Петровна испугалась, срочно вышла замуж за этого офицера, и мы потихоньку успокоились.

До парка культуры я доехал трамваем, а там пятиминутная ходьба, поворот и — вот он, тот двухэтажный деревянный дом, возле которого Светлана Петровна и офицер прощались. А может быть, она после свадьбы перебралась куда-нибудь? Хоть бы перебралась! Или хоть бы дома никого не оказалось! Несмотря на всю решимость,

с какой я шел, мне было неловко и стыдно. Впереди на снегу я заметил синий конфетный фантик и загадал, что если попаду на него ногой, нарочно не подстраивая шагов, то все будет хорошо. И попал! Но тут же усмехнулся, разоблачив свое гадание, — ноги ведь сами подстроились. Произошла мгновенная реакция: глаза увидели, мозг рассчитал и дал команду ногам — попать. И те попали. Человек — еще тот ли компьютер! И если уж гадать, то на чем-то от тебя не зависящем.

И вот номер дома поразил меня — 81, как у моего бочонка-талисмана. Это уже ничем не объяснялось! Как сказал один математик, если дважды два пять, то существуют ведьмы. Мне стало как-то не по себе от этого внезапного совпадения, и я чуть не прошел мимо, чтобы немножко поразмыслить, но ноги сами свернули к подъезду.

В вестибюле было светло и жарко. Не зная квартиры, я постучал наугад, и выглянувшая старушка, с сигаретой в зубах, направила меня наверх, в седьмую комнату.

Я поднялся и, на носках приблизившись к двери с полуоблупившейся цифрой семь на металлическом ромбике, припал к щели ухом. Внутри — ни звука, только отдаленная, быть может, от соседей, музыка. Неужели действительно никого? Это меня вдруг огорчило. Не отнимая уха, я позвонил и тут же отпрянул — слышались быстрые шажки и бодрый голос:

— Сейчас-сейчас!

Щелкнул замок, и я торопливо сказал:

— Здравствуйте! — и удивленно замер — передо мной стояла та самая девчонка в красных брюках, с которой я столкнулся сегодня в школе, покидая класс. — Здесь живут Снегиревы?

Девчонка, ожидавшая, казалось, увидеть кого-то другого, разочарованно ответила:

— Здесь.

— А мне бы Светлану Петровну.

— Ее нету.

— Тогда извините, — буркнул я, пятясь.

— Постой-постой! — вдруг проговорила она, простирая ко мне руку. — Твоя фамилия Эпов?

— Да.

— Зайди-ка на минутку!

— Но раз Светланы Петровны нету...

— Зато Валентина Петровна дома, а это одно и то же. Давай-давай заходи! — Девчонка шире распахнула дверь и нетерпеливо замахала рукой.

Поколебавшись и оглянувшись на лестницу, точно запоминая обратный путь на случай внезапного бегства, я вытер туфли о толстый мягкий половичок, вошел в тесный коридорчик, снял влажный берет и опять сказал:

— Здравствуйте!

— Не здоровайся — никого нет. А Валентина Петровна — это я, но со мной ты уже и прощался, если помнишь, и здоровался. — Хозяйка захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и хмуро, зло уставилась на меня исподлобья. — Я сестра Светланы Петровны. А ты двоечник Эпов!.. Я люблю сестру и не желаю, чтобы каждый бездельник издевался над ней, ясно? Чтобы из-за

каждого лоботряса ее отвозила «скорая помощь» в больницу, ясно?

— В больницу? — испугался я.

— А ты бы хотел сразу на кладбище? — пронзительно прищурившись, спросила она.

Я растерялся.

— Нет, но... я не двоечник.

— Ну да! Света сказала, что влепит тебе пару за четверть и не допустит до экзаменов. Ты же Эпов?

— Эпов.

— Ну вот и все.

— Но у меня только по английскому двойка!

Валя презрительно усмехнулась:

— Нашел по чему двойки хватать! Добро бы по физмату, а то по английскому!

— У меня как раз наоборот, — сказал я и умолк, спохватившись, что слишком уж размямлился.

— Ну, не знаю. — Валя вздохнула. — В конце концов твои двойки меня не интересуют. Вози ты их возами! Но нечего перед Светой брындить и фокусничать!

— Поэтому-то я и пришел, — тихо сказал я.

— Как это поэтому?

— Ну, чтобы извиниться.

Валя подняла голову, пристальнее разглядывая меня, потом пожала плечами, направила на груди косу и, заводив ее кончиком по губам, медленно прошла за портьеру, в комнату. Я остался один в коридорчике. Где-то журчала вода и тихо играла музыка.

— Тогда другое дело, — донесся Валин голос.

— А что со Светланой Петровной?

— Ничего. — Скрипнули пружины, Валя, видно, села на диван. — Честно говоря, ее не увозила «скорая помощь», она сама ушла и не из-за тебя вовсе, а по другой причине. Это я уж просто так. Чересчур вы все противные!

У меня отлегло от сердца, и это облегчение придало мне вдруг смелости, и я спросил:

— А может, и насчет двоек просто так?

— Нет уж, Эпов, насчет двоек не так, будь уверен!.. Знаешь, как она злилась на тебя? Разорвала бы!

Я хотел ответить, что и я злился на нее, так что мы квиты, но промолчал, поняв, что это глупо. Из глубины зеркала, висевшего над стиральной машиной в углу коридорчика, смотрела на меня постная физиономия. Свет лампы бил в макушку, скользил по лбу, щекам и носу, оставляя в тени самое важное — глаза и рот. Я вздернул подбородок. Глаза умные, рот строгий. Откуда она взяла, что я двоечник? Вот есть у нас в классе Ваня Печкин; глянешь на него, и сразу ясно, что живет человек в щели между двойкой и тройкой, как таракан. А у меня такой вид, будто я все европейские языки знаю плюс китайские иероглифы. А тут, ишь раскудахталась, жар-птица!

Из комнаты донеслось:

— А ты всегда извиняешься, когда делаешь глупости?

— Я их не делаю! — отпарировал я.

— О-о! — Пружины со звоном разжались, и Валина голова появилась между портьерами. —

А Спинста — это разве не глупость?.. Бесстыжие! Прозвать молодую красивую замужнюю женщину старой девой! — Валя раздернула портьеры и, резко сведя их за спиной, шагнула вперед, представ передо мной по-театральному ярко и ознобно — в белой кофточке и красных брючках.

Я смутился и, надевая берет, сказал:

— Ну, я пошел.

— А извинение.

— Извини.

— Я тут ни при чем.

— Но вы — одно и то же.

— Одно, да не совсем.

— Тогда передай.

— Нет уж, извиняйся сам.

— Тогда я позвоню.

— У нас нет телефона.

Музыка, все время сочившаяся из глубины комнаты, оборвалась, забили позывные радиостанции «Маяк», потом пропикало, и диктор объявил, что московское время четырнадцать часов, то есть восемнадцать по-нашему.

— Ну вот, минут через пятнадцать-двадцать Света будет, — сказала Валя. — Можешь подождать.

Я не знал, что делать. Оставаться дольше не хотелось. Чем заниматься и о чем беседовать с этой бойкой куклой целых двадцать минут? Но возвращаться не хотелось и подавно... Вдруг у меня мелькнула мысль, и я спросил:

— У вас радио от сети или приемник?

— Приемник.

— Можно посмотреть?

— Конечно.

Сдернув берет, я прошел за ней. Комната выглядела пустой, хотя были тут диван, стол, стулья, сервант, книжные полки, телевизор, но все это плотно прижималось к стенам, точно в огромной центрифуге, даже ковер, которому бы лежать на полу, прилепился над диваном. Желтый, с коричневыми разводами приемник стоял на приземистой тумбочке в правом углу, у окна. Мощный, с полным набором диапазонов, он тихо светился широкой шкалой и блестел, как зубами, тесным рядом клавиш.

— Ничего машина, — сказал я, пробежавшись по УКВ. — Сверимся. На моих — шесть ноль шесть.

Валя недоумевающе скосила глаза, глянула на свои часики, встряхнула их, послушала и сказала:

— Стоят.

— Заведи. В семь ноль-ноль я выйду в эфир — извиняться, — сказал я и ткнул пальцем в шкалу. — Ловите меня вот тут, на волне десять метров.

— Как в эфир? — не поняла Валя.

— Ну, как — раз! — и вышел. Только не прозевайте, это минутное дело. Позывные — Мёбиус.

— Мёбиус?

— Да, Мё-би-ус. Запомнишь?

— Запо-омню, — протянула Валя, широко открыв свои карие, густо опущенные черными ресницами глаза.

— Ну вот и все.

— А как это будет?

— Услышите. Значит, в семь ноль-ноль, — напомнил я, расправляя скомканный берет.

Валя опять глянула на свои часики и, неожиданно подавая мне руку, будто для поцелуя, сказала:

— Поставь, пожалуйста, по своим.

Я было нахмурился, мол, нечего, девочка, чудить, но, поймав ее серьезно-любопытный взгляд, чем-то напоминавший взгляд Авги Шулина, вдруг взял ее холодные пальцы и, сунув берет под мышку, второй рукой сосредоточенно подкрутил маленькое тугое колесико и подвел крохотные стрелки.

— Пожалуйста.

— Спасибо.

— Ну...

— Ой, я сигнал забыла!

— Позывные. Мё-би-ус.

— Ах да — Мё-би-ус. Это рыба или созвездие?

— Это ученый.

— Ого, имечко — Мёбиус!.. А ведь тебя, кажется, Аскольдом звать, да? — спросила Валя.

— Да.

— Значит, английский — это Аскольдова могила?

— Почти. — Я чуть улыбнулся этой оперной трансформации. — Но не столько моя лично,

сколько братская. Кроме меня, там еще с десяток наших барахтается.

Валя усмехнулась и вышла следом за мной в коридор. У двери я обернулся. Девчонка стояла, припав к косяку плечом и вода кончиком косы по губам, полуоткрыто замершим в какой-то иронически-дразнящей улыбке.

— Гуд бай! — сказал я небрежно.

— Бай-бай! — тихо ответила она.

Я вышел и стал медленно спускаться, но на площадке между этажами, подумав, что могу сейчас встретить Светлану Петровну и тогда не нужно будет выходить в эфир, вдруг рванул. Двумя прыжками одолев пролет и наделав в старом доме страшный грохот, я выскочил на улицу. Нет, я должен выйти в эфир! Должен, хотя бы для того, чтобы стереть эту ироническую улыбку.

Глава четвертая

Шел час пик. Народ валом валил с работы. Я катился в переполненном трамвае, и в моей голове была такая же теснота от мыслей. Вдруг в середине вагона я увидел черный отцовский берет и обмер. Что, уже кончено? Уже уволили и отобрали машину? И он едет домой, как и все, в шесть?.. Я лихорадочно протолкался вперед и схватил было отца за локоть, но тут он обернулся на возбужденные мной сердитые окрики, и я расслабленно застыл — это чужой, безбородый

дядька. Слава богу! Уж лучше неизвестность, чем вот такая трамвайная правда!.. А хотя почему бы отцу не возвращаться домой, как и всем, — после шести? Почему он приходит в восемь, девять, десять? Почему главный инженер должен работать больше и за это же потом расплачиваться? Парадокс! Горе от ума! Кто везет, того и погоняют! На маму вон тоже сколько писано жалоб! Наподцепляют всякой заразы, а врач отдувайся, лечи! Да еще кричат: шарлатаны, мясники! Так и меня можно к стенке припереть: ага, мол, двоичник, мучитель беременных женщин, как выразилась эта краснобрючная Валентина Петровна! Ох, мудрецы!..

У церкви я сошел.

Дом наш стоял на небольшом склоне. Цокольноподвальные блоки с одной стороны были, заглублены в землю, а с другой были оголены. Я решил поискать трещины в этих цоколях — для успокоения, что вот, мол, трещины есть, а дом стоит и ухом не ведет, чего же к отцу привязываться. Я крутился возле подвала, но хоть бы одна трещинка, черт бы их побрал! А может, отец их делал, эти блоки? За двадцать лет он отлил миллион таких пилюль! Десятки заводов, школ, детсадов и даже коровников построено из его железобетона, так неужели ему нельзя простить одну трещину?

Я поднялся домой.

Справа и слева из-за стен доносилось обычное послеработное оживление, а у нас была нелюдимая тишина, точно всех уже засадили в тюрьму.

Автоматически переключив телефон на «in», я прошел в свою комнату и как-то наново оглядел ее. Я ее ужасно любил, свою комнату, и, пожалуй, домоседом стал лишь из-за нее. Казалось бы, ничего особенного: диван, письменный стол, кресло, стул, журнальный столик, книжные полки, а на стенах — политическая карта мира да небольшой портрет очень старого и седого Эйнштейна — вот и все. Разве что робот Мёбиус и два динамика под потолком в углах намекали на что-то хитрое, а на самом деле хитрости тут были сплошь: в спинке дивана таился репродуктор, в письменном столе скрывались два магнитофона, связанные с Мёбиусом, а старенькое кресло, привинченное к полу, вообще было пультом управления всей звуковой жизни нашей квартиры, включая ванну-туалет. Даже портрет Эйнштейна был с фокусом — перевернешь его, а там Пушкин. Лишь стул да журнальный столик не поддавались никаким модификациям, потому что их таскали из комнаты в комнату.

Физикой увлек меня папа.

На подоконнике, под стеклянным колпаком, как музейный экспонат, стоял маленький непутевый электромоторчик, который я сделал еще во втором классе из проволоки и жести от консервной банки, а на левом открьлке стола возвышался оберегаемый тряпкой от пыли телевизор, который я собирал из деталей сейчас. Вон я куда махнул за шесть лет — все отец! Даже портрет Эйнштейна повесил он. Я спохватился, что не просто думаю об отце, а как бы вспоминаю,

точно его уже нет с нами. Чур, чур! Все будет хорошо и с ним, и с мамой, и со мной! Уж я-то постараюсь не подкачать! И из школы уйду победителем, а не побежденным! Только бы исправить эту дурацкую двойку по-английскому...

Я вспомнил Светлану Петровну, неудачный визит к ней, девчонку, которой пообещал выйти в эфир, и глянул на часы. Было без пяти семь. Может, не стоит выходить в эфир. Девчонка и без того все, понятно, передаст сестре. Хотя тут уже дело чести! Да и та ироническая улыбочка зывала к отпущению.

Я живо подсел к приемнику, в просторное нутро которого был вмонтирован самодельный передатчик, и азартно включил питание. Разрешения на передатчик у меня, конечно, не было, его и не выдают до шестнадцати лет, но в эфир я тайком да выходил, правда, редко, чтобы не засекали, потому что дело это подсудное. В семь ноль-ноль я подсоединил микрофон и начал:

— Я Мёбиус!.. Я Мёбиус!.. Я Мёбиус! — Выдержал паузу. — Я Мёбиус! Я Мёбиус!.. Светлана Петровна, извините! Светлана Петровна, извините! Светлана Петровна, извините!.. Я Мёбиус!.. До свидания!.. Светлана Петровна, извините!.. Я Мёбиус!.. До свидания!.. Я Мёбиус! — И выключил передатчик.

Прошло сорок пять секунд. Маловато. Может, повторить?.. Не надо. Если ловили, то слышали, а если не ловили, то хоть заповторяйся.

— Правильно, Мёб? — спросил я у робота.

Мёбиус улыбался, изогнув свой большой рот полумесяцем, с рожками вверх, и преданно пялил на меня двенадцативольтные навывкате глаза. Мой робот был всего лишь фанерным ящиком с посылку величиной, которому я придал вид головы, натыкал в макушку проволочных кудрей да приделал руку. Он был почти пуст, все важные внутренности его помещались в столе. При телефонном звонке включались электромагнит и магнитофон — Мёбиус приподнимал трубку и отвечал. Через двадцать секунд тепловое реле размыкало цепь, и робот замирал. На подоконнике лежала его вторая рука, которой я пока не нашел подходящей работы.

Звякнул телефон. Опередив Мёбиуса и нажав ему нос-кнопку, чтобы он молчал, я ответил:

— Да.

— Квартира Эповых?

— Да-да.

— Аскольда можно?

— Слушаю.

— Аскольд? Это Валентина Петровна!.. Ну, Валя Снегирева, у которой ты только что был!..

— А-а! — почти злорадно протянул я.

— Ой, Аскольд, мы тебя поймали! Я думала, ты нарочно, а потом дай, думаю, включу. И вдруг — «Я Мёбиус»! Да так ясно, что я даже на улицу выглядывала — не стоишь ли ты под окном с каким-нибудь своим аппаратом!

— Хм! А Светлана Петровна?

— Тоже слышала и улыбалась. Еще бы не улыбаться! Я бы даже нарочно согласилась, что-

бы меня обидели, а потом чтобы вот так извинялись — на всю вселенную! Или бы объяснились в любви! — тише добавила она.

— В чем?

— В любви. Что, слово незнакомое?

— Да так себе.

— Будто бы!

Тут уж иронически усмехнулся я, мол, знай наших, а то — бездельник, двоечник, лоботряс! Бездельник не вознесет до жажды космической любви!.. Почувствовав, что теперь мы на равных, я уже совсем по-дружески спросил:

— А ты откуда звонишь?

— От соседей. — И, видно, поняв случившуюся во мне перемену, Валя сказала: — Аскольд, раз уж извиняться, то и ты извини меня, что я на тебя накричала. Я немного заполошная, но ведь ты заработал, признайся?

— Наверно.

— И дай слово, что Спинсты больше не будет!

— Даю. Но только за себя.

— Ничего, я и до других доберусь! Слушай, а что, английский и вправду тебе не дается?

— Черт его знает!

— Не годится. Надо что-то делать! — озабоченно проговорила она и вдруг продолжила на чистейшем английском: — It's funny to have two in English*.

— Что, что? — удивился я.

— Все, Аскольд! Тут включили телевизор. Я мешаю, — прошептала Валя. — Гуд бай! В третий раз! Ну, все!

* Это же смешно — иметь двойку по английскому.

И — гудочки.

Ну, все так все! Я аккуратно опустил трубку. Одно дело — о'кей! Осталось утрястись отцовским неприятностям и — хэппи энд! Кое-что по-английски и мы знаем! Умироотворенно потянувшись, я встал и побрел по всем комнатам, оживляя их своим присутствием и оживляясь сам: в кухне поставил греться чай, в кабинете открыл форточку, а в гостиной подтянул доставшую пол гирьку ходиков, толкнул маятник и поставил большие резные стрелки на половину восьмого. И вспомнил вдруг, что подвожу уже вторые стрелки. Те были маленькие, на маленьких часах, на маленькой холодной руке... А ведь правда, что мы с ней за сегодня трижды прощались: в школе, у них дома и вот сейчас. Странный день, и такой длинный, что я забыл, с чего он начался. Во всяком случае, утром я еще не знал о существовании какой-то Снегиревой...

Садиться за сборку телевизора было уже поздно: и ужин вот-вот, и уроки. Разве что обновить запись «квартира Эповых, минуточку», а то она хрипит, как будто отвечает гриппозник, а не здоровый робот.

Я открыл тумбочку стола. Здесь находился голосовой центр Мёбиуса — два неказистых транзисторных магнитофончика. Оба были без крышек, без ручек, с треснутыми корпусами, и оба попали ко мне на запчасти. Один случайно разбил в турпоходе мой соклассник, а второй сознательно шмякнул об пол пьяный глава семейства с третьего этажа. Но я умудрился восстановить их, одна-

ко, кроме как для тайной службы, они никуда не годились. На магах не было ни подающих, ни приемных кассет, а склеенная кольцом пленка натягивалась пружинными роликами. Само же кольцо было свернуто «листом Мёбиуса», то есть концы стыковались не прямо, как у обруча, а с поворотом на 180 градусов, так что магнитная сторона переходила в немагнитную. Второй виток превращал пленку в двусторонне-магнитную, и таким образом на нее записывалось вдвое больше, чем на простое кольцо. Это я сам придумал, когда вычитал про странный лист математика Мёбиуса. Не ахти какая выдумка, конечно, но...

Телефон дзынькнул.

— Да.

— Эп?

— А-а, Забор! Так и знал — проверишь!

— А как же! Успешно сходил?

— Вполне.

— Робел?

— Немного.

— Здорово тебя Спинста отчитала?

— А я ее не видел.

— Привет! А перед кем же ты извинялся?

— Посредника нашел.

— Нет, Эп, так не годится!

— Посредник надежный — сестра, — успокоил я комсорга. — А кроме того, я сдублировал — вышел в эфир. И только что получил ответ: сигнал принят.

— Ох, Эп, усложняешь ты все!

— Жизнь сложна.

— Да-а... Ну, ладно!

Болеет Забор за своих комсомольцев, хотя нас было всего одиннадцать человек в классе. Это приятно, когда кто-то за тебя болеет, — устойчивее себя чувствуешь.

У Ведьмановых, под нами, забрякало пианино. Оно брякает с тех пор, как я себя помню — больше десяти лет. Уже третье поколение сменилось у клавиш, а пианисток Ведьмановых все нет и нет, хотя фамилия самая для афиши. Тетя Вера — машинистка у моего отца в управлении, ее дочь Нэлка, позавчерашняя десятиклассница, копирует там же чертежи, а кто вырастет из двухлетней Анютки — бог весть, но брякала она пока с восторгом. Обычно я зверел при этих звуках и Анюткину какофонию подавлял физически, включая свои динамики на всю катушку, а когда раздавалась расхлябанная «Шотландская застольная» Бетховена, то есть за пианино садилась Нэлка, я подавлял ее морально, запуская «Застольную» в настоящем исполнении. Сама тетя Вера уже не трогала, кажется, инструмент, наигралась... Но тут я вдруг беззлобно усмехнулся, поняв простую вещь, что ведь люди ищут себя и тычутся туда-сюда, потому что ни у кого на лбу не написано, кем он рожден... Я вроде попал в свой диапазон, а ну через годик-два окажется, что эти мои радиощучки — то же бряканье и что мне, несмотря на «графские» данные, надо просто ехать в Норильск, брать в руки лом и долбить вечную мерзлоту! Сам лом меня не страшил, страшила его тупость и заземленность, а мне

— Да ничего, тяну.
— Может, болен? — все тревожнее допытывалась мама.
— Исключено.
— Так в чем же дело? — вконец растерялась мама.
— Дурью мается, — заметил я.
— Почему? Нет! — спокойно сказал Шулин. — Грызет меня что-то внутри. Вроде как на работу манит.
— А как же геолог с охотоведом?
— Вырву из сердца!
— Ну, Март-Апрель, это действительно дурь! Еще наработаешься! Работать в ваши годы — это крайность, когда уж голова совсем во! — И мама постучала пальцами по столу. — Работа сейчас — не тяп-ляп! А восемь классов — это же анемия! Малокровно и хило! Восемилетка — это свечной огарок в прожекторе знаний!

Я наконец сообразил, что весь этот разговор Шулин спровоцировал ради меня, и решил молча следить, как он из этого выпутается, но выпад против восьми классов задел меня, и я буркнул:

— Ну уж, огарок!
— Именно огарок! Вам его дают, чтобы вы дальше не спотыкались, а вы!.. Нет-нет, Август, давай не ерунди, а закатывай выше рукава да берись крепче за ум! Жаль вот, что мать с отцом твои далековато, а то бы они тебе проветрили мозги!

Авга вдруг улыбнулся и сказал:

— Да, на это уж батя мастак — мозги проветривать! Как услышим — с песней идет, так все в голбец к Сучковым, через огород! И сидим до утра, кукуем!

— Вот! А отчего это? От дикости и невежества!
— Коню понятно.

— Коню понятно, а ты — школу бросать! Таким же извергом станешь!.. Не мотай головой, не заметишь, как скатишься! Одна рюмка, вторая и — пошел!

— Нет, тетя Рим, — уверенно заявил Шулин. — Может, курить буду, а уж пить — ни за какие деньги! Батя выпил и за меня, и за моих детей, а сейчас и за внуков дует!

— Ужас! — только и сказала мама.

— Но я подумаю, тетя Рим, — пообещал Авга. — Да и Аскольд вон говорит, что я дурак.

— И правильно говорит!

— Чую. Ну, спасибо за все!

Провожая нас, мама шепнула мне, чтобы я еще потолковал с Шулиным, да покрепче, по-мальчишески. Я кисло кивнул, а выйдя из подъезда, огрел Авгу папкой по затылку. Он рассмеялся и заметил, что это всего лишь маленькая разведка боем и что теперь можно представить, какие ракеты ударят по мне, если я поднимусь в атаку. Все это я предвидел и предвижу, и этим меня не утратить; меня настораживал и волновал туман, в который я вдруг погружусь за ясным школьным порогом, так что КПД шулинской авантюры близок к нулю, а вот сам он, преподобный Август, не так, чертяка, прост.

День начинался неправдоподобно голубо и солнечно, как будто природа просила прощения у людей за вчерашнюю крутоверть. Везде еще лежал снег и все было стылым, но уже на частых сосульках шиферных крыш, как на ресницах, скапливались слезы, а с верхушек церковных тополей, потренькивая по веткам, срывались подтаявшие льдинки. Голуби сбились на солнечной стороне церкви. Они облепили все, за что только можно уцепиться, и прямо кишели, как какие-то гигантские тли. Противные все-таки птицы. Где-то у Чехова читал, что над церковью кружат галки, и у Пушкина, когда Татьяна приезжает в Москву, там стаи галок на крестах. Да и сам я видел галок в Суздале, в Ростове Великом, а тут хоть бы ворона для смеху прилетела, сплошь голуби. У нас они в двух местах водились: на оперном театре и вот на церкви, словно среди голубей были верующие и неверующие.

Приглядываясь и прислушиваясь к весеннему утру, я, однако, больше внимал себе — во мне тоже шла какая-то весенняя реакция. Из мутной смеси вчерашних событий за ночь в сердце моем вдруг выпал мягкий пуховый осадок, и, еще не проснувшись, я радостно понял, что это связано с Валей, с тем, что живет на свете такая красивая девчонка сорвиголова, что она знает меня и что у нас с ней есть даже что-то недосказанное. Это меня особенно грело, потому что здесь теплилась возможность новой встречи, чтобы все досказать, а уж когда и где встреча — это детали. Тут еще не было никакой тайны, и я, каза-

лось бы, мог прямо рассказать об этом Шулину, но что-то удерживало меня от оголенных слов. А чувства просились наружу, и не терпелось хоть полупонамеком выдать их. И вот, заметив, каким пристальным взглядом Авга проводил через дорогу какую-то толстушку с портфелем, я спросил:

— Авга, у тебя есть девчонка?

— Здесь нету, а в деревне была, — охотно ответил он, нисколько не удивившись.

— Ты же в шестом классе только учился, какие тогда могли быть девчонки? — усомнился я.

— А что, есть правила, с какого класса заводить девчонок? — недовольно спросил Шулин.

— Нет, конечно, но... как-то рано.

— Это вы тут размазываете: рано, нельзя, опасно! А у нас просто! — И Авга пропел мне на ухо:

Ты почто меня ударил
Балалайкой по лицу?
Я пото тебя ударил —
Познакомиться хочу.

Любка ее звали, Игошина. Набесимся, бывало, допоздна, а потом я ее провожаю, чтоб никто не напугал. Она заикалась. А этим вахлакам только и давай таких, которых бы испугать! Я их гонял, как поросят. Ничего была девка. Хотя дура, конечно, — что-то вспомнив, поправился Авга. — Как-то идем летом, темно уже, звезды, новолуние. Смотри, говорит, спутник летит. Я башку задрал, а она — чмок меня в щеку, как телка!

— В шестом-то классе?

— Еще в пятом!

— Ого!

— Так я к ней с неделю не подходил!

Я вдруг увидел Валины губы, увидел, как она обмахивает их кончиком косы, и у меня разгорелись уши.

— А дальше как? — спросил я.

— «Как?» — отвадил, коню понятно!

— Хм!.. Ну, а тут что, не нравятся городские?

— Наоборот! — воскликнул Шулин. — Девчонки тут — будь-будь! Вон видишь, какая цаца пошла?

— Вижу.

— Не идет, а пишет!.. Но я их боюсь!

— Да ну тебя!

— Правда. Они и сами от меня шарахаются.

Понимают.

— Что понимают?

— Что я им не ровня.

— Балда ты, Граф, осиновая с медной на-шлепкой!

— Ладно, замнем для ясности.

Я уставился в худую спину быстро и мелко шагавшего передо мной мужчины, пытаюсь найти подходящий ответ, но ничего не нашол. Только сейчас я сообразил, что, открыв Шулина и подружившись с ним, я забыл про других, для которых он остался, наверное, тем же деревенским тупицей, каким был до этого и для меня. Это непростительно!.. А вдруг и я не открыт и считаюсь простофилей? А почему

«вдруг» — точно! А может быть, вообще все мы кажемся марсианами, пока не откроем друг в друге людей?.. Я глянул на хмурый Авгин профиль. Лоб его, нос, губы и подбородок образовывали почти одинаковые выступы, похожие на притупленные зубья огромной циркульной пилы. Шулин был действительно сколочен грубовато и, пожалуй, не по вкусу нашим девчонкам. Ну и плевать на них! Я им тоже не по вкусу! Не вешаться же теперь! Дело-то глубже легкомысленных девчачьих вкусов! А глубже если, то Авга во сто раз лучше того же Мишки Зефа, Аполлона Безведерного. Я так и хотел сказать Шулину, но понял, что это выйдет несолидно, к тому же Зеф, может, и ничего парень, только я его еще не открыл.

Авга толкнул меня бедром и лукаво заметил:

— А ведь и у тебя нету девчонки, нету ведь? А почему?

Я пожал плечами и легко ответил:

— Не знаю.

— Ну вот! — обрадовался Авга. — Значит, мы — два сапога — пара! Только я опять не понимаю. Как это у тебя, такого городского гуся, нет девчонки?.. Да будь я на твоём месте, я бы в каждом подъезде по девчонке имел! А ты?.. Смех! Или я, правда что, балда осиновая с медной на-шлепкой!

Я рассмеялся.

Мы свернули в переулок, где в глубине обширного двора стояла наша кирпичная, нештукатуренная школа. Славная старушка! Конечно,

мой уход решен, но сделать это надо добро и весело, а не как вчера — с горечью и обидой.

Толпы нашего брата гудели в вестибюле, кишили в раздевалке. Я поздоровался с тетей Полей, готовый уверить ее, что все в порядке, если она поинтересуется вчерашним, но тетя Поля, видно, уже трижды забыла вчерашний день.

Всюду носилась малышня. На третьем этаже, этаже восьмиклассников, суеты было меньше, но шума столько же. Девчонки жались к батареям, пацаны вертелись перед ними. Зеф, пританцовывая, что-то рассказывал. Увидев меня, он крикнул:

— Эп, сюда!.. Внимание! Труднейший матч СССР — Англия выиграл нокаутом советский школьник Аскольд Эпов! — И как боксеру на ринге поднял руку.

Кто захлопал, кто захихикал, посыпались реплики:

- Бесстыжий!
- Качать Эпа!
- Гы-гы-гы!

Только тут я понял хамский смысл его репортажа и выдернул руку. Все, что медленно скапливалось в душе моей против Зефа, поднялось вдруг и замутило голову. Я как держал папку с учебниками в левой руке, так и врезал ею Мишке. Он закрыл лицо руками, девчонки охнули, а я оглушенно двинулся в класс. Шулин в дверях одобрительно пожал мне локоть.

Дали звонок.

Народ стал рассаживаться, шушукаясь и косясь на меня. Зефа не было. Уже вошла Нина Юрьевна, математичка и наша классная, уже проверили домашнее задание... Явился он посреди урока, с влажным и бледным лицом, припухшим носом, подняв воротник пиджака и пальцами сцепив борта у горла, как будто замерз.

— Где ты был? — удивилась Нина Юрьевна.

— Кровь из носа шла, — ответил Зеф.

— Какая кровь?

— Обычная. — Мишка на миг распахнул пиджак, и на белой рубашке дико полыхнуло красное пятно.

— Садись! — испуганно разрешила математичка.

Мне стало не по себе и от вида окровавленной рубахи, и от того, что это сделал я. К концу урока мне передали записку от Зефа. В ней два слова: «Береги сопатку», и кровавый отсвет — к рубашке, наверно, прикладывал. Значит, после занятий драка, там, в тупике, за левым крылом школы, где дерутся всегда и где всегда кто-нибудь да стоит «на атанде». Я не представлял себя дерущимся, потому что никогда еще не дрался, а только разнимал, но, видно, так уж устроена жизнь, что рано или поздно драться надо. Правда, и Зеф не слыл драчуном, но был нагл и безбожно хулиганист. Четверти не проходило, чтобы Мишка крупно не нашкодил. Последний номер Зеф отчебучил перед маем. Класс освещали четыре матовых плафона на трубчатых штангах. Мишка связал их ниткой и в тот момент, когда вошла наша старенькая чертежница Евгения

Ивановна, потянул нитку. Плафоны враз качнулись. Евгения Ивановна охнула и качнулась тоже — ей показалось, что у нее закружилась голова и она падает. Жаловаться старушка не стала, но пол-урока поварчивала, что, мол, спасибо ее крепким нервам, а то был бы нам смех.

— Ну-ка, ну-ка! — сказал Авга, беря у меня записку. — Ага, кошка скребет на свой хребет! — И, что-то написав на обороте, отправил назад.

— Не надо вмешиваться, — вяло сказал я.

— Надо! — уверил он.

На перемене я не вышел из класса. Следующим был английский, и мне хотелось посмотреть урок еще раз. Если Светлана Петровна и не вызовет, то буду хоть руку тянуть, пусть видит, что учил и что в эфире хулиганил не зря.

Но драка сбивала с толку. А тут еще подсел Забор. Его темные глаза, с темными ресницами, были так сильно втянуты в глазницы, что казалось, будто в голове вакуум. Эта заглубленность делала взгляд Васьки пронзительным и суровым. Такие глаза пошли бы инквизитору или гипнотизеру, но шли они и нашему комсоргу, броско выделяя его из нас.

— Значит, со Спинстой улажено, — задумчиво, как бы ставя мысленную галочку, сказал Забор.

— А не пора ли сменить прозвище? — сердито спросил я, прямо глянув в глаза комсорга. — Это же гадко — так называть молодую женщину!

— А что, есть резон! — живо согласился комсорг. — Есть, есть! Это ты прав! Надо будет при-

нять неофициальное решение, а то действительно смех. Это мы провернем. Слушай, Эп! — тише заговорил он, склонившись ко мне. — В субботу у Садовкиной день рождения. Вот он, список приглашенных. — Васька вынул из кармана бумажку. — В списочке и ты, конечно. Надо маг с пленками приготовить, ну и, естественно, полтинник — на подарок!

— Шулин приглашен?

— Нет.

— Тогда и я пас.

— Что, Эп, за хохма? И вообще, что сегодня с тобой? Зефу по физиономии съездил! На меня кидаешься! Это тебе не так, то не этак! — возмутился Васька. — Именины не у меня, а у Садовкиной, и при чем тут Шулин?

— А при том, что вы его за человека не считаете! — зло выпалил я, хлопнув учебником.

— Кто не считает?

— Вы все!

— Спятил.

— Спятил?.. А у Мирошникова был день рождения, пригласил он Авгу?.. А у Ленки Гриц?.. Да и у тебя в феврале собирались, ты звал его? — припомнил я.

— Чш-ш! — с оглядкой зашипел комсорг. — Это не потому, что за человека не считаем, а просто автоматически: кто раньше был, тот и потом. Всегда так!

— Автоматически и есть бесчеловечно!

— Ну, ладно. Значит, Шулин тебе нужен?

— Мне все нужны! И я хочу, чтобы и я нужен был всем! — Неотвратимость предстоящей драки, в которой меня могут убить или покалечить, что, говорят, случается сплошь и рядом, настроила меня на какую-то болезненную откровенность, точно я оставлял устное завещание. — Класс один, а живем кучками, как сектанты!.. И не знаем, у кого что за душой!.. Обидно это, Забор.

— Мда! — задумчиво буркнул Васька, вдвое, втрое, вчетверо складывая списочек и ногтями заостряя сгибы. — Мда!.. Давай-ка пока с Шулиным решим, о'кей?

Дали звонок.

Зеф вошел лениво, задерживая остальных. Наши взгляды встретились, и я не уловил ожидаемой ненависти, а лишь какое-то надменное любопытство. Хотя Зеф был артистом, он мог и волка и ягненка играть одновременно. Но странно, что и я уже не злился на него. Тот удар разрядил меня, как искра лейденскую банку, и не будь записки, я бы даже извинился перед Мишкой, но теперь всякое извинение превращалось в трусливый пас.

Поторапливая замешкавшихся, в класс протиснулась тучная и медлительно-строгая Анна Михайловна, завуч, с неизменным двухцветным карандашом в руке.

— Ребята, — сказала она, перекрывая шум, — Светланы Петровны не будет. С сегодняшнего дня она вынуждена уйти в отпуск. — Какая-то дура сзади хихикнула, и Анна Михайловна постучала карандашом по столу. — Девочки, ниче-

го тут смешного нет! Вы будущие матери и должны понимать. — Тут фыркнул кто-то из пацанов. — И для вас тут нет ничего смешного, будущие отцы!.. Нового учителя мы нашли, но предупредить не успели, поэтому в расписании небольшая перестановка. Сейчас будет черчение вместо английского, а завтра, наоборот, будет английский вместо черчения. Ясно? Чш-ш, знаю, что альбомов нет — на листочках! Пожалуйста, Евгения Ивановна! — сказала завуч, увидев входящую чертежницу.

Сухонькая Евгения Ивановна, не отпуская дверной ручки, поглядела на потолок — у нее за один сеанс выработался условный рефлекс. Убедившись, что плафоны не качаются, она, с большими деревянными треугольниками, транспортом и линейкой, радостно кивая нам, живо просеменила к столу.

Глава шестая

Из школы Зеф выскочил раньше меня, чтобы, наверно, взять инициативу в свои руки, поэтому выходил я на крыльцо с полной уверенностью, что он или скажет сейчас «пойдем» и кивнет влево, или трахнет чем-нибудь по голове без всяких кивков. На драку я настроился. Я рассчитал, что для начала защищусь папкой, потом ударю ногой, благо, ноги у меня длинные, а потом — как повезет. Но драться буду ожесточенно!

На крыльце Зефа не оказалось. Мы с Авгой, который следовал за мной, как секундант, сбегали за левое крыло школы — нету, не было Мишки и за воротами.

— Смылся, кажись, — предположил Шулин.

— Да?

— Кажись, струхнул.

— Ты думаешь? — односложно отвечал я.

Мне казалось, что такое серьезно-опасное дело не может кончиться ничем. Скорее всего, Зеф придумал особую тактику, расхолаживающую, чтобы налететь, когда мы успокоимся, поэтому я был напряжен и сосредоточен, да и Авга тоже. Лишь после переулка, на людной улице, Шулин усмехнулся:

— Ну точно, трухнул!

— Да? — опять спросил я, но уже с облегчением — на людях обычно не дерутся, а если и сцепимся, то народ не даст убить или покалечить. — А чего бы ему трухнуть?

— Не знаю. Может, моей приписки? Я ведь ему написал, чтобы он напарника подыскивал, будем, мол, двое на двое драться. А он подходит на перемене и говорит: может, говорит, вообще капелла на капеллу сойдемся, так давай, говорит, зови свою Черемшанку, а я своих позову. Я говорю: давай, а я без Черемшанки обойдусь, у меня ближе есть, в Гусином Логу. Вот он, видно, и трухнул, коридорный храбрец!

— А у тебя что, правда там кто есть? — спросил я испуганно-восхищенно, потому что о пацанах из Гусиного Лога ходили жуткие слухи: буд-

то они и раздевают, и насилуют, и в карты людей проигрывают, то есть режут.

— Нет, откуда!

— Ну и Граф!

— По-моему, там никого и нет. Мифы Древней Греции. Уж за два-то года я бы разнюхал!

— Припугнул, значит, Зефа?

— Да так вышло.

— Забавно... А как ты-то решил драться? — удивился я внезапной Авгиной задиристости.

— А что? Думаешь, тихий — так и драться не умею! Я, брат, залимону — эхо пойдет. Меня батя с топором такой самбе научил, что ого-го!.. Я не потому тихий. Просто я самого города побаиваюсь. Я ведь тут вроде гостя, а в гостях, знаешь как, не шибко-то. Вон бог, скажут, а вон порог — и дуи в свою берлогу. В двадцать четыре часа. Как при царе политических выселяли.

Я усмехнулся и напомнил:

— Сам же говорил, что революция все изменила.

— Конечно. Но надо, чтобы в городе было меньше лоботрясов, особенно приبلудных. А мне пока нельзя обратно, мне сперва надо — во! — Шулин сжал кулак и вздрогнул всем своим напрягшимся телом. — А сегодня, не знаю с чего, вдруг почувствовал себя маленько дома. Да-да! Ну и решил... Да и зефовская морда больно уж постылая, ломается, как это!..

Я все понял и почувствовал к Авге странную нежность, такую, какую, наверно, можно испытать к девчонке, и в порыве чуть не сказал, что в

субботу мы с ним идем к Садовкиной на день рождения, а это значит, что он уже вполне свой человек среди нас, но осекся. Во-первых, Авга еще не приглашен, а во-вторых, пусть он не догадывается о моем вмешательстве в это дело. И я лишь одобрительно потрепал Шулина за плечо.

А вокруг все сверкало, была теплынь, текли ручьи. Я радостно сдернул берет и распахнул куртку, как бы говоря всем: берите меня, я ваш!.. Перед сквером ремонтировали фонтан, по лужам на трехколесниках раскатывались малыши, а у скамеек, где еще осторожно, на газетках, посиживали улыбающиеся мамы и бабушки, побирались верующие и неверующие голуби — фонтан был между оперным театром и церковью. Из школы и в школу шагали яркие, разноцветные девчонки, размахивая кто портфелями, кто сумками с надписью «Аэрофлот», а кто нес папки на молниях, прижимая их к груди, как новорожденных. Я представил, как Валя спешит сейчас домой, вот так же болтая с подружками, и меня вдруг прямо кольнуло — я почувствовал, что Валя вот-вот позвонит мне, явится домой и тут же позвонит. Я подхлестнул Авгу, и мы побежали.

Мама закрывала квартиру, когда я, по-собачьи стелясь над ступеньками, взлетел на пятый этаж.

— Мам, никто сейчас не звонил?

— Папа.

— Нет, мне.

— Тебе и звонил. Во-первых, после обеда придет дядя Гриша, отдашь ему чертежи, они у папы

на столе. Во-вторых, обед готов, а в-третьих, ни шагу из дома, пока не выполнишь во-первых. Все понятно?

— Да. Как с папой?

— Следствие возобновили.

— Опять следствие?

— Радуйся, чудак. В нашем положении и это выигрыш. Почти из-за решетки выскочил. Ну, я пошла.

Я сначала проверил, работает ли телефон, а потом сел против него на пол, прямо тут же, в коридоре, привалился спиной к стене и стал ждать Валиного звонка, повернув голову к ходикам в гостиной. Я ничего не хотел делать, только ждать. Маятник качался чинно и деловито. Я подсчитал, что тридцать качаний дают минуту, и продолжил счет... На одной тысяче двести девяносто пятом колебании телефон зазвонил. Я рванулся, но онемевшие ноги подкосились, и я едва удержался за косяк.

— Квартира Эповых, минуточку! — хладнокровно отвечал Мёб.

— Да-да! — прохрипел я, с трудом дотянувшись до трубки.

— Аскольд.

— Он самый.

— Это я, Валя!

— А-а, привет!

— Привет! Что там с тобой?

— Да так.

— А кто это басил, отец?

— Нет, мой робот Мёбиус.

— Как робот?

— Ну так. Маленький, самодельный, на столе стоит и первым трубку хватает.

— Правда? Ой, как интересно!

— А что со Светланой Петровной? — спросил я, более или менее почувствовав под собой ноги.

— Все нормально, но в школу она больше не придет, пока не родит. Вместо нее уроки у вас будет вести Амалия Викторовна, наша англичанка, из седьмой школы. И знаешь, что я тебе звоню? Твои пары можно теперь легко исправить!.. Но мне неловко объяснять все по телефону. Надо встретиться.

— Давай! — выпалил я. — А когда?

— Когда хочешь.

Брякнул дверной звонок.

— Минутку, Валя.

На ватных ногах, пронизанных колючими мурашками, я неуверенно подковылял к двери и открыл. Это был дядя Гриша, низенький, как карлик, но цилиндрически округлый.

— Здорово, Аскольд! — сказал он улыбаясь. — Как оно? Где-то тут батя просил какие-то чертежи. Ты в курсе?

— В курсе, дядя Гриша! — Я принес еле-еле два большущих альбома. — Вот... Вы сейчас куда?

— В комбинат.

— Не прихватите меня?

— Валяй. Я внизу обожду.

Дядя Гриша вышел, а я припал к трубке.

— Слушай, Валя, сколько на твоих?

— М-м, два семнадцать.

— Выходи ровно в два тридцать! — почти приказал я. — Все поймешь! Живо одевайся! Пока! Когда вырулили на проспект, я спросил:

— Дядя Гриша, можно маленький крюк?

— Куда?

— Влево.

Уазик с прискоком перемахнул трамвайную линию, пронесся мимо парка и тормознул против Валиного дома. Я только хотел попросить дядю Гришу подождать минуты две, как Валя появилась на крыльце, в красных сапожках, красной шапочке и в сиреновом плаще. С птичьей быстротой глянув туда-сюда, она ловко перебежала по кирпичам лужу у подъезда, и тут я, выскочив из кабины, крикнул:

— Мы здесь!

— Ой! — пискнула она.

Радостным жестом, смущенно улыбаясь, я предложил ей одноместное сиденье в кабине, отделенное от шоферского теплым бугром мотора, нескладно подсадил, а сам запрыгнул в будочку, которая соединялась с кабиной окошком без стекла. Уазик круто развернулся, и нас тут как не бывало.

Валя обернулась ко мне, сияя.

— Вы меня прямо как похитили!

— Джигиты!

— А куда мы?

— В глушь, в Саратов, — ответил я.

— Как здорово!

Уазики безносы, вроде гоголевского Ковалева, сразу за стеклом обрыв, и дорога так и рвется

под ноги, что аж пяткам ознобно. Не едешь, а летишь! Дядя Гриша, низкорослость которого скрадывалась за рулем, вел машину играючи своими короткорычажными сильными руками, только успевай принаравливаться к поворотам. Меня, правда, не швыряло, потому что во мне почти не было массы, один дух, а дух, по Ньютону, не обладал инерцией. У Вали инерция была, но она чутко реагировала на повороты, лишь изредка и слегка придерживаясь за скобку. Мы попали в резонанс с волной светофорных зеленых огней и неслись по городу без остановок. Вырвались на мост. Река нынче вскрылась первого мая, словно вместе с народом решила продемонстрировать свою весеннюю радость и силу, но ледоход у нас кончался быстро: день-два — и чисто, потому что выше, километрах в тридцати, стояла плотина. И лишь редкие льдины проплывали сейчас, но вода поднялась и затопила всю левобережную низину, с ее домиками, огородами и озерами.

В будочке было свое окошко, но я тянулся вперед и смотрел мимо Валиной головы.

В три ноль-ноль мы остановились у железобетонной арки, за которой, возвышаясь друг над другом и загораживая друг друга, громоздились серые заводские корпуса. Из диспетчерской вынырнул отец, очевидно, уже поджидавший машину, и помог Вале сойти. Я не рассчитывал на эту встречу и, выпрыгнув из будочки, растерянно улыбнувшись, сказал:

— Пап, это Валя! А это мой папа, Алексей Владимирович, главный инженер всего вот этого!

— Очень приятно! — сказала Валя.

— Мне тоже, — ответил удивленный отец. — А я подумал, что это случайная попутчица дяди Гриши или курьер. — Мы рассмеялись. — Уж не ко мне ли, друзья?

— Нет, пап, мы так.

— Ну то-то. Вас куда подкинуть?

— Никуда. Обратно мы пешком.

— Правильно! Чертежи тут? Ага, вот они! Ну что ж, гуляйте! — Он кивнул нам, втиснулся в кабину, сразу похмурав, и уазик умчался опять, видно, к прокурору.

Валя с живым прищуром огляделась: с одной стороны длинный решетчатый забор, с другой — лес.

— И правда глушь. А теперь куда?

— Еще глуше.

И через дорогу мы двинулись в лес, куда увиливала тропа, ведущая к невидимой городской окраине. Шоссе шло туда далеким огибом, потому что прямо лежала глубокая лощина. Лес этот, зажатый между городом и промплощадкой, был еще нормальным: высились тут зелено-золотистые здоровые сосны, густыми островками рос кустарник, тянуло смолистым сквознячком и навистывали пичужки, — но хворь уже привили ему: справа и слева серели в молодняке ноздреватые вороха отходов, лепешки застывшего раствора, бракованные балки и покореженные плиты, словно какие-то взвездные обжоры бесстыдно нашвыряли сюда взвездных объедков. Даже последние нищие сугробики-льдышки, которые

песчаный грунт жадно досасывал под кустами, казались бетонными ошметками. Сквозь одно, метрового диаметра кольцо, с голыми ребрами арматуры, проросла сосенка. Лет через тридцать, если свалка не задушит лес и город не поползет в эту сторону, народ подивится на окольцованную сосну.

Мы были одни.

Я думал, наша прогулка будет простой и веселой, как телефонный разговор, но уединение вдруг сковало меня. Я уже не скрывал от себя, как вчера, что влюбился в Валю и что ради нее выходил в эфир, но боялся этой влюбленности, потому что уже дважды она заканчивалась плачевно — девчонки отшатывались от меня, едва я делал намек. И понятно! Разве можно ответить взаимностью такой образине? Поэтому я решил раз и навсегда, что ну их к лешему, этих девчонок! И вдруг — опять!.. Теперь я знал, что надо таиться, чтобы дольше продлилась эта невесомость. И я таился, тиская в кармане бочонок 81. Во мне билось ликование, но я подавлял его. Мне бы говорить и говорить с Валею, но я молчал, мне бы кувыркаться и плясать вокруг нее, но я спокойно брел рядом; мне бы смеяться и улюлюкать, но я почти хмурился; мне бы не сводить с нее глаз, но я косился на нее лишь украдкой, как на электросварку.

— Аскольд, ты уже был здесь? — спросила Валя.

— Был. Вон там маслята собирал.

— С кем?

— Как с кем? Один.

— А почему покраснел?

— Потому что вопрос странный.

— Сам ты странный.

Она отбежала в сторону, набрала сосновых шишек и стала кидать в меня. Пятясь, я ловил их и складывал в карман. На просеке, под тяжело прогнутыми проводами ЛЭП, мы сблизились, и я сказал, таинственно подняв палец:

— Послушай-ка!

Валя запрокинула голову и замерла. Щека ее была в десяти сантиметрах от моих губ. Я вспомнил, что, почти вот так же обманув Шулина, шустрая Любка Игошина нанесла ему оскорбительный поцелуй, и смутился.

— Шуршит, — сказала Валя.

— Ток, — шепнул я.

— Да?

— Еще минут пять, и у нас волосы выпадут.

— Почему?

— Излучение.

— Мама! — воскликнула Валя, кидаясь вон с просеки.

Я догнал ее и усмехнулся:

— Трусиха!

— Ага, трусиха! Хочешь, чтобы я облысела? Вам что — хоть лысые, хоть бородатые, а нам?.. Представь-ка меня лысую! Фу, лучше не представляй, бяка!

Некоторое время мы опять шли молча, потом я сказал, вспомнив, как считал колебания маятника:

— А у вас было шесть уроков!
— Откуда узнал?
— Вычислил.
— Ух ты! А какой был последний?
— Английский, — брякнул я наугад.
— Вот и нет! Вот и нет! — Валя захлопала в ладоши, но тут же остановилась. — Ой, Аскольд, мы же про двойки твои забыли! Слушай, у нашей Амалии Викторовны есть одна странность — ставить street marks, то есть уличные отметки. Встретит на улице, покалякает, по-английски, конечно, а потом смотришь — в журнале пятак. Мы с ней соседи, так у меня сплошь street marks. Я и девчонок выручаю, кто посмелей. Если хочешь — рискнем. Правда, подучить кое-что придется: всякие там фразы, диалоги, шутки. Но это пустяк! Я тебя в два счета научу! Хочешь?

— Подведу я тебя, — ответил я сдержанно, хотя у самого сердце запрыгало от радости.

— Если я возьмусь — не подведешь!

— Ну, берись! — с улыбкой разрешил я.

— Все! С завтрашнего же дня!

Позади затрещал мотоцикл. Валя ойкнула и спряталась за меня. Донельзя грязный «Иж» обогнал нас, нырнул в лощину, но вскоре вылетел обратно, не проехал, видно. Спустившись, и мы убедились, что дно балки непролазно. Метров на десять растеклись желтые глинистые наносы, из которых там и тут торчали раскрошенные бульдозерами плахи, бревна и выступы железобетонных плит. Мы взяли правее и наткнулись на вывороченную с корнем сосну, под углом упавшую через

топь. Придерживаясь за ветки, я пробрался к вершине, но до сухого оставалось еще два-три метра.

— Придется поработать, — сказал я.

— Давай.

— Это я себе говорю.

— Как себе, а я?

— А ты пожнешь плоды.

— Нет уж, Аскольд.

— Да уж, Валя! Черная мужская работа! А у тебя и так вон сапожки затуманились, — сказал я, скидывая куртку. — Лучше погуляй, подыши.

— А ты без меня не уйдешь?

— Уйду.

— Смотри!

И она медленно двинулась наискосок вверх, а я энергично засновал вдоль трясины, собирая коряжки и таская их по сосне в кэсиль-месиль. Отсыревшая кора скользила под ногами, трижды я срывался, роняя ношу, начерпал туфлями жижи и вообще устряпался, как черт, на этой трехметровой гати. Но тропу настелил и опробовал — удержала хорошо. Отмыв туфли снеговой водой из приямка, я свистнул Вале и задрал голову к вершинам сосен, которые неподвижно отогревались в солнечном воздухе. Я вдруг ощутил, что мы с лесом в одном состоянии: впитываем весенние соки жизни.

Валя выцарапалась из кустов, натужно волоча за ржавый корень здоровый кусок обгорелого пня.

— Вот! — сказала она, переводя дух.

— Ого! Молодец! — похвалил я, прикидывая, не скovyрнет ли меня с сосны этот уже вовсе не

нужный пенечек, но операция прошла благополучно, и обломок, усато брызнув, грузно чавкнул в грязь рядом с тропой. — Ура-а!

— Ура-а! — подхватила Валя.

Мы перебрались и счастливо, точно форсировали Днепр, глянули сначала на оставленный берег, потом друг на друга, мол, каковы! Валя усмехнулась, вынула беленький платочек, послонила уголок и, вдруг за шею наклонив меня к себе, стала протирать мой лоб. Я прямо задохнулся от этого внезапного жеста и сурово сощурился, будто недовольный, а сам таял от ее прикосновений. Знал бы, вывозил все лицо! От моего дыхания колыхались ее выбившиеся из-под шапочки золотистые пряди, и мне хотелось подоткнуть их...

— Теперь ол-райт! — сказала Валя.

— Thank you!*

— Don't mention it!** — ответила она и другим углом платка обмахнула свои щеки.

А наверху уже кончался лес и начинался город.

Глава седьмая

Весь путь мы протопали пешком.

У парка Валя убежала, не дав себя проводить, но, и оставшись один, я не сел в трамвай, точно это было бы изменой, а так и доплелся до дома своим ходом.

* Спасибо!

** Не за что!

Шел уже седьмой час.

Приняв теплый душ, я в одних плавках бухнулся на прохладный диван, закрыл глаза и... взлетел. Я стрижком унесся за город, к железобетонной арке, и увидел, как из подкатившей машины выходят мальчик с девочкой и углубляются в лес. Она удивительно красива, а он — так себе, на тройку с минусом, почти двоечник по красоте, но это, кажется, не беспокоит ее, наоборот, она улыбается ему, кидает в него шишки, вытирает платком его запачканный лоб. Он влюблен в нее, а она?.. Чем он привлекает ее?.. А может, и не привлекает вовсе. Может быть, это просто так, и завтра он поймет это. Она позвонит и скажет: все, мальчик, больше я с тобой не играю? Хотя нет, вон они на завтра назначают встречу, правда, деловую, но встречу. Девочка опирается на его плечо и что-то вытряхивает из сапожка. Ах, какая девочка! Какая милая девочка! Даже мое стрижиное сердце трепещет! Я взмываю ввысь так, что те двое сливаются в одно. Или они взялись за руки? Я низвергаюсь и просвистываю между ними — нет, за руки они не взялись... Я прервал этот волшебный полет и открыл глаза от ощущения какой-то тревоги. И вдруг с болью догадался, что этого путешествия с Валею могло бы не быть! Ведь разгорись наша с Зефом драка — и все, сидел бы я дома, отмачивал синяки, вправлял суставы или бы вообще почивал в морге. Ужас, как тесно соседствуют добро и зло! Научиться бы так управлять своей жизнью, чтобы все в ней было хорошо! Но управься я вчера по-хорошему, не уйди с